

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Алая
БЕТТИ

18+

Онежун

ДЛЯ ДЕВОЧКИ-БЕДЫ

Бетти Алая

Опекун для девочки-беда

<https://litres.ru/74418633>

SelfPub; 2026

Аннотация

После неудачной акции протеста Ая оказывается в квартире бывшего снайпера, которого считает виновным в смерти сестры.

Марат холоден, опасен и явно что-то скрывает.

Вот только чем сильнее Ая пытается сбежать, тем сильнее её тянет к человеку, которого она должна ненавидеть.

ИСТОРИЯ МАРАТА ИЗ КНИГИ БАГИР. ПОД ЕГО ЗАЩИТОЙ

Однотомник.

ХЭ

Насилия и принуждения нет!

#Бывший снайпер с травмой!

#Девочка-беда!

#Сложные отношения!

#Эмоционально, остросюжетно, порой больно!

Мат! Курение! Алкоголь!

Содержание

Глава 1. Знакомство в красках	4
Глава 2. В клетке со зверем	10
Глава 3. Ловушка в стиле хай-тек	16
Глава 4. Солдат без оружия	22
Глава 5. Беглянка в чужой коже	27
Глава 6. Чужие раны	33
Глава 7. Чужая постель	39
Глава 8. Берлога хищника	45
Глава 9. Правила подполковника	51
Глава 10. Первый раунд	57
Глава 11. Немая сцена	63
Глава 12. Комплимент с характером	68
Глава 13. Девочка-беда	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Бетти Алая

Опекун для девочки-беды

Глава 1. Знакомство в красках

Марат

— УБИЙЦЫ! Ваши руки в крови! И деньги ваши кровавые!

Слышу звонкий женский голос, и дверь тут же вылетает, с грохотом ударившись о стену. На пороге стоит тощая девчонка, за ней еще одна.

Инстинкты срабатывают мгновенно.

Делаю рывок плечом, но сустав пронзает жгучая боль.

Черт! Рука содрогается от волны боли и начинает предательски трястись. Тремор.

Очень вовремя. Очередное напоминание, что я больше не снайпер, а лишь офисный планктон. Пусть и с расширенным функционалом.

Умом понимаю, что такие вопросы должна решать охрана. Но ждать нет времени. Иначе эти двое натворят дел.

Все происходит как в замедленной съемке. Тело реагирует куда быстрее, чем голова. Мгновенно оцениваю обстановку.

В кабинет ворвались два объекта. Две субтильные девчонки в черных джинсах, худи и дешевых балаклавах с маркет-

плейсов.

Первая ростом около метра семидесяти, очень худая. Голос звонкий, срывающийся на визг.

Вторая чуть выше, явно держится за первой. Оставляет себе пути отхода?

Обе двигаются по-дилетантски. Любительницы. В их руках канистры с краской. Ясно. Очередная пацифистская акция.

— Охрана! Где охрана?! — вопит за моей спиной директор Андрей Викторович. Еще секунду назад он раздувался от важности, рассказывая мне про сверхточные модули, а теперь испуганно вжимается в свое директорское кресло, испугавшись двух девчонок.

Первая замахивается. И я реагирую.

Годы военной подготовки позволяют сработать мгновенно, даже несмотря на некоторый дефект руки.

Пока она возится с гашеткой, я хватаю ее за запястье.

Тонкое, худое. Не сломать бы.

И как назло, именно в этот момент у нее получается совладать с коварным механизмом. Девчонка жмет на спуск.

Алая краска обливает мой дорогой серый костюм и белоснежную рубашку. Твою же мать! Достается и самой нарушительнице. Все ее джинсы покрыты красной жижей.

Жестче хватаю девчонку и дергаю ее на себя. Адреналин бушует в крови.

— Пусти! Ублюдок! ОТПУСТИ МЕНЯ! — бьется в мо-

их руках словно дикая кошка. Дергается, кусается, пытается ударить меня свободной рукой в лицо. Целится ногтями в глаза.

Одно короткое движение. Разворачиваю мелкую к себе спиной. Толкаю. Рывком вжимаю в край директорского стола.

Замечаю, какая она крохотная. Совсем маленькая, но бьется, как настоящая тигрица. Только вот все бесполезно. Я больше и опытнее.

На один короткий миг она кажется мне не злостной нарушительницей закона, а лишь перепуганным ребенком.

Ей страшно, поэтому она так сражается. Кончики пальцев девчонки подрагивают, она вся трясется как осиновый лист.

Что же заставило тебя пойти на такое безумство?

Трясу головой, гашу это наваждение.

Девчонка извивается, шипит. Раз за разом пытается уку-
сать и ударить меня ногами. Однако я полностью блокирую
ее возможность двигаться. Мелкая беспомощно стонет, но
затихает.

Ее подруга, увидев, что пахло жареным, роняет свою канистру и убегает. Только пятки сверкают.

Мелкая дёргается, но я не даю ей вырваться.

— Тихо, — рычу пойманной девчонке на ухо. — Только попробуй, и я не посмотрю, что ты девушка. Поняла меня?

Что-то в моем голосе заставляет ее успокоиться. Она лишь тяжело, рвано дышит.

Вжимается острыми лопатками в мою грудь.

Под тонким худи бешено бьется сердце, словно птица в клетке из ребер. Я резко разворачиваю девчонку лицом к себе. Что-то екает где-то в глубине сердца.

Сквозь прорези балаклавы вижу карие глаза. В них нет страха. Только чистая, неразбавленная ярость. По телу проходит горячая волна. Что за чертовщина?

— Хватит с меня! Где охрана?! Я вызываю полицию! — директор трясущимися руками хватает мобильный. — Это покушение! Экстремизм! Нападение!

Игнорирую его. И снова правая рука меня предает. Она начинает мелко дрожать и остановить тремор я не в силах.

Бешусь. Со злости грубо подцепляю край балаклавы и срываю с девчонки.

По плечам рассыпаются длинные темные волосы. Лицо бледное, почти кукольное. Маленький подбородок дрожит, губы сжаты в узкую линию. И огромные карие глазищи с длинными пушистыми ресницами.

Гляжу на нее. Глазам не верю! Перестаю дышать, понимая, что зрение меня не обманывает.

Я узнаю эту девчонку. Чёрт! Только не это. Только не она!

Та, с кем я должен был познакомиться сегодня. Моя протеже. Сестра Айше. Вспоминаю фото, которое мне передал Багир. Они похожи. Тот же дерзкий блеск во взгляде.

Только вот эта мелкая дрянь облила меня краской и пробралась на режимный объект.

— Марат Эдуардович, вы ее держите, не выпускайте, я уже набираю 112... — директор наконец справляется с телефоном.

— Не надо, — произношу сухо.

Девчонка распахивает свои огромные карие глаза.

— Что значит «не надо»?! — он брызжет слюной, лицо багровеет. — Она ворвалась на режимный объект! Испортит имущество! Она...

— Это личное, — отрезаю я, не сводя глаз с Аи.

Девчонка смотрит на меня снизу вверх со смесью ужаса и отчаянного вызова. Но я не веду. Что ж. Вот и познакомились, Ая.

Все оказалось не так, как я себе представлял...

— Я забираю её, — бросаю ледяным тоном, директор вжимается в спинку кресла. — Весь ущерб вычтете из моего гонорара.

Рывком разворачиваю девчонку к выходу, продолжая крепко держать за локоть.

— Пошли, — коротко приказываю.

— Никуда я с тобой не пойду! — Ая упирается ногами в ковер, голос срывается на надрывный крик. — Отпусти, мразь! Убийца!

Сотрудники компании оглядываются.

Мое терпение лопається. Я дергаю девчонку на себя, она впечатывается в мое плечо. Наклоняюсь к ней, понижаю голос до хриплого угрожающего шепота.

— Пойдешь. Или я отдаю тебя охране, и через час ты будешь давать показания в отделе полиции. А за нападение на режимный объект тебе светит реальный срок, Ая. Настоящий. С колючей проволокой и без веганских завтраков. Выбор за тобой...

Она замирает, услышав свое имя. Зрачки расширяются. Лицо становится еще бледнее.

— Откуда ты... откуда ты меня знаешь? — шепчет, и в ее голосе впервые прорезается страх.

— Это мы обсудим позже. А пока в машину. Живо.

Глава 2. В клетке со зверем

Ая

Кто он такой? Огромный. Холодный. И пугающий!

В салоне его черного внедорожника пахнет так же, как от этого человека. Горьким табаком. Мужским парфюмом, очень дорогим, судя по оттенкам аромата.

Он блокирует двери. Звук бьет по барабанным перепонкам.

Всё. Я в ловушке.

— Открой дверь, — не узнаю себя. Голос дрожит, и это бесит меня больше, чем пятна краски на джинсах. — Слышишь? Ты не имеешь права! Это похищение! Я буду кричать!

Он даже не смотрит в мою сторону. На лице ни единой эмоции. Робот, что ли?

Включив мотор, громила выруливает со стоянки бизнес-центра, уверенно крутя руль одной левой.

Опускаю взгляд на его правую руку. Она неподвижно лежит на колене.

— Сядь ровно, Ая, — бросает мне. Его голос низкий, хриплый. — И пристегнись.

— Да иди ты! Откуда ты знаешь мое имя? Кто ты такой?! Эй!

Я в панике! Готова даже на ходу выпрыгнуть!

Дергаю ручку двери. Снова. И снова.

Словно могу просто так, руками сломать центральный замок.

Сердце колотится, как бешеное. Кажется, что еще миг, и я задохнусь.

Успокойся, Ая. Нужно подумать. Так что я пристегиваю ремень безопасности, откидываюсь на сиденье, складываю руки на груди.

Машина набирает скорость. Мимо проносятся сияющие высотки. Бездушные, одинаковые. Обитель богачей.

Мой протест провалился. Люба сбежала, бросив меня на растерзание этим сволочам. Я хотела показать им, что есть те, кто видит, как они на крови зарабатывают свои деньги.

Что не все слепые!

Но в итоге просто попалась, и теперь меня везет неизвестно куда один из них. Судя по размеру и совершенно бесстрастному лицу, самый опасный.

— Успокоилась? — бросает мне, даже не глядя в мою сторону. Сноб!

Я задыхаюсь от беспомощности.

— Ты работаешь на них, — рычу. — Цепной пес этого жирного борова! Ты помогаешь ему зарабатывать миллиарды на человеческих смертях! Вы все отвратительны!

Внезапно загорается красный. Громила бьет по тормозам.

Меня бросает вперед. Ремень безопасности не дает мне эпично впечататься лбом в панель.

— Замолчи, — он нехотя смотрит на меня. — Твой романтизм, конечно, трогает. И тот цирк, что ты устроила, мог бы показаться смешным. Но есть одно но. Ты влезла на режимный объект. Хоть понимаешь, какие могли быть последствия, если бы я не вмешался? Сейчас бы уже лежала в автозаке лицом в пол.

— Лучше в автозаке, чем с тобой! — в сердцах выпаливаю.

Он стискивает зубы, желваки ходят ходуном. Злится?

Мой взгляд падает на его правую руку, лежащую на коробке передач. Она вдруг начинает дрожать.

Пальцы подрагивают в каком-то рваном судорожном ритме. Мужик пытается сжать кулак. Но тремор становится только сильнее.

Замираю. Взгляд отвести не могу. Злость и ярость мгновенно исчезают. Я не понимаю...

Этот огромный, на первый взгляд неуязвимый мужик... болен?

— Твоя рука... что с ней? — тихо спрашиваю.

И тут я вижу вспышку гнева в темных глазах. Его кадык дергается, губы сжимаются в тонкую ниточку. Кажется... задела за живое?

Стыд обжигает изнутри. Мне вдруг становится очень неловко за свой вопрос.

— Это тебя не касается, — рычит он. Что ж. Оно и к лучшему. Нам все равно не по пути.

Загорается зеленый сигнал светофора.

Громила дает по газам. Слышу визг шин. Мы едем по небережной. В салоне внедорожника висит напряжение. Липкое и неприятное, словно краска на моих джинсах.

Нужно бежать. Любым способом! Я ведь не знаю, куда он меня везет! А вдруг за город... прихлопнет, как муху, и поминай, как звали!

Сейчас или никогда!

На следующем красном светофоре решаюсь. Не думаю. Просто действую.

Я видела, где кнопка разблокировки центрального замка. Рывком тянусь туда, нажимаю.

Тык!

Раздается щелчок. Есть!

Дергаю ручку, распахиваю дверь и вываливаюсь из машины. Ноги предательски подгибаются. Больно бьюсь локтем об асфальт.

Рву когти через дорогу к ближайшему переулку.

Би-и-и-ип!

Нога подворачивается прямо посреди дороги. Свет фар ослепляет. Разворачиваюсь в ужасе. На меня несется машина... зажимаюсь... и тут...

Рывок назад. Не успеваю понять, что случилось. Влетаю в твердое тело, и машина, визжа клаксоном, пролетает мимо. Сердце колотится, как бешеное.

Он... спас меня? Однако внутренний загнанный зверь,

полный страха и недоверия, снова поднимает голову. Я начинаю молотить руками по мощному телу.

— Отпусти! Помогите! — пытаюсь заорать, но тут мир переворачивается. Мужик закидывает меня на плечо и несет к своему танку. Бью его по спине, но ему хоть бы хны.

Он буквально закидывает меня в салон машины.

— Ты хоть иногда мозги включаешь? — тихо спрашивает, и это пугает куда сильнее крика. — Твоя сестра доверила мне тебя. Попросила беречь. Явно не для того, чтобы в первый же день я собирал твои мозги по асфальту.

Айше... сестра... откуда он...

— Не смей произносить её имя! — глаза наполняются слезами. — Ты ничего о ней не знаешь! И обо мне тоже!

— Знаю, — он наклоняется ко мне. Красивый мужик, но пугает. — Я знаю, Ая... мы нашли ее... тогда...

Грудь опалает боль. Она сдавливает сердце тисками, не дает вдох сделать. Сестренка...

— Замолчи... заткнись! — закрываю уши руками. Моя сестра... глупая Айше! Спасая других, погубила себя.

— Я все расскажу, когда мы приедем. Еще раз попробуешь выпрыгнуть, поедешь в багажнике, поняла?

— Зачем я тебе? — всхлипываю. — Чего ты хочешь?

— Чтобы ты осталась жива.

Мы едем в тишине.

Забиваюсь в угол. Обнимаю себя руками. В голове настоящий хаос. Айше... этот громила... что вообще происходит?

Не замечаю, как мы оказываемся у высотки. Мужик отстегивает ремень безопасности.

— Выходи.

Подчиняюсь.

В подъезде светло. Пахнет цветами. Чисто. Не то, что в моей общаге. Мужчина ведет меня к лифту. Поднимаемся на пятый этаж.

Квартира очень просторная. Трехкомнатная. Обставленная аскетично, в темных тонах.

Такое чувство, что тут никто не живет. Лишь приходит переночевать.

Атмосфера холодная. Не хватает тепла и уюта. На миг сжимается сердце. Он живет тут один... теперь понятно, почему такой хмурый.

— Ванная там, — бросает, даже не глядя в мою сторону.

— Прими душ, смой эту дрянь с себя. Джинсы и худи на выброс. И не думай сбежать, тут биометрический замок.

Снимает испорченный краской пиджак, швыряет на диван. Остается в одной рубашке.

Ткань натягивается на мощных плечах. Взгляд невольно выхватывает его правую руку. Она всё еще дрожит.

Громила замечает, что я смотрю.

— Чего стоишь? Иди, — складывает руки на груди. — Кстати. Меня зовут Марат.

Глава 3. Ловушка в стиле хай-тек

Ая

Захожу в ванную. Ого! Да тут настоящий шик.

Никаких ярких оттенков. Баночек там или флаконов с косметикой. Никакого пластика! Вообще ничего лишнего или выделяющегося!

Все четкое, идеально выверенное. Ни единой округлости или диспропорции. Хм!

Лишь серый камень и белый фаянс. Все вылизано до блеска.

Гигантское зеркало занимает почти всю стену. Оно подсвечено приятным желтым светом. Единственное теплое, что есть в этой ванной комнате.

Я словно попала на космический корабль! Боюсь даже коснуться чего-нибудь! Вдруг сломаю, и этот громила... ой... Марат, отправит меня на ПМЖ в свой багажник.

Осматриваюсь.

Тяжелый стальной смеситель напоминает инопланетный механизм из фантастических фильмов.

В воздухе витает едва заметный аромат можжевельника. Приятненько.

Глядя на этот интерьер, первые слова, которые приходят на ум: железная дисциплина и аскетизм.

На полке стопка идеально сложенных черных полотенец.

Тянусь и провожу по ним кончиками пальцев. Мягкие. Пахнут морозным утром. Марат знает толк в ароматах.

Все так дорого, богато. И я... сирота в дешевых шмотках. Чувствую себя лишней. “Вы слабое звено, прощайте!” — усмехаюсь себе под нос.

Очень приятно, Ая — жалкое грязное пятно в этом аскетичном монохромном мире.

Тут не плохо, нет. Скорее, немного тоскливо. И одиноко. Даже в моей отнюдь не топовой общаге как-то теплее.

Скорее бы умыться и уйти отсюда! Надеюсь, кухня чуть меньше напоминает бункер.

Тянусь к крану. Но вместо привычных барашков вижу лишь гладкую панель. Видимо, сенсор.

Провожу по ней кончиками пальцев. Не поддается.

Давлю. Ноль эмоций! Да чтоб тебя!

Даже пытаюсь ковырнуть ногтем. Ничего не помогает! Боже, что за адская машина?!

— Эй, ну давай, работай! — отчаянно стучу по этой штуке.

Внезапно панель загорается фиолетовым. И из крана льется мощная струя кипятка. Перепугавшись не на шутку, отпрыгиваю.

Случайно задеваю бедром сенсорную панель на стене. Из потолка начинает валить густой пар.

А зеркало вдруг оживает и произносит приятным женским голосом, что режим турецкого хамама активирован.

— Нет! Не надо хамам! СТОП! — размахиваю руками, пытаюсь остановить грядущий ванный апокалипсис.

Потеряв равновесие, буквально вваливаюсь спиной в душевую. Пытаясь удержаться рукой, снова на что-то нажимаю.

— Режим тропический ливень активирован, — ехидничает зеркало.

На меня сверху обрушивается мощный поток ледяной воды, мгновенно превращая волосы в мокрую мочалку, полностью пропитывая худи и джинсы.

Сажу на пятой точке. Мокрая, злая. Чувствую себя ежиком в тумане. Этот «космический корабль» явно поставил себе целью меня утопить!

— Ая? — раздается хриплый баритон, и вода внезапно перестает течь. Но мне уже все равно. Я начинаю мелко дрожать. На глаза от обиды наворачиваются слезы.

За что мне все это?!

— Ты чего расселась? — раздается прямо над головой. Туман уже немного рассеялся, и Марат возвышается над мной, как гора. В своих этих брюках и рубашке с закатанными рукавами.

Всхлипываю.

— Замерзла? — протягивает мне руку.

— Твоя ванная убить меня хочет! — возмущаюсь, пытаюсь подняться сама. Рука вновь скользит по мокрой стене, и я почти падаю на ягодицы. Но Марат ловит меня, рывком

поднимает. Держит за плечи.

— Не ушиблась? — игнорирует мое обиженное сопение.

— Это все ты виноват! — тычу пальцем в его твердую грудь. — Сложно было сказать, что у тебя тут все какое-то непонятное?

Марат осматривает меня.

— Раздевайся, — заявляет безапелляционно, — ты вся промокла. Простудишься и заболеешь.

И смотрит. Пристально так. Его взгляд скользит по моему телу. По насквозь промокнутому худу и заляпанным краской джинсам.

— Это еще зачем? — пытаюсь вырваться, но его хватка становится крепче. Он очень сильный! — Я не буду! Отпусти! ОТПУСТИ МЕНЯ!

Меня захлестывает странное чувство.

Руки этого мужчины жесткие, но вместе с этим он не делает мне больно. Держит будто бы даже... нежно...

От этого тепла внутри всё сжимается. И я пугаюсь. Мне... нравится быть в его руках...

Нет! Никому нельзя доверять! Тем более тому, кто связан с войной и убийствами. Ясное дело, Марат... какой-то он непростой.

Эта выправка, инстинкты... точно военный! Один из тех, кто пожертвовал моей сестрой. КТО УБИЛ ЕЕ!

Айше...

Всхлипываю. Рывок, и я освобождаюсь из его объятий.

Нет! Ни за что! Я не позволю ему меня обмануть!

— Ты чего? — равнодушно спрашивает.

— Не трогай меня! — выпаливаю, обнимая себя руками.

— Я и не трогаю, — мужчина срывает с полки одно из черных полотенец и кидает мне. Неуклюже ловлю, прижимаю к груди. Мокрая холодная одежда неприятно липнет к телу. — У тебя какие-то проблемы с тактильностью?

— Нет, просто ненавижу, когда меня трогают взрослые мужики! — рычу.

— Понял, — заявляет, открывая дверь, затем молча выходит из ванной.

Стою, хлопаю ресницами, не понимая этого мужика совершенно! Он очень странный!

Марат возвращается спустя пару минут. В его руках черная футболка. Он кладет ее на раковину. От нее исходит приятный можжевеловый аромат.

— Снимай мокрые вещи, простудишься. Переоденься пока в мою футболку. За твоими вещами поедем позже, у меня еще есть дела.

— Я одна могу... — пробую пискнуть в надежде, что мне удастся усыпить его бдительность. Но не тут-то было.

— Нет, — отрезает, — не после сегодняшних выходов, Ая. Я сейчас переоденусь и поеду по делам. Обед на столе, разогрей себе. Вечером приеду, и мы поговорим.

Марат разворачивается и выходит, оставляя меня в полном смятении. СТОП!

Он что... решил, что я буду с ним жить? Вздрагиваю. Нет! Ни за что! Я должна сбежать. И я сделаю это...

Глава 4. Солдат без оружия

Марат

Несносная девчонка! Чуть не убилась в моей ванной! Сенсоры придется чинить, но это ладно. Главное, что промокла вся и перепугалась.

— Эй! — слышу за спиной ее голос, пока иду в спальню. Нужно сменить грязный костюм и ехать на встречу с Багиром. Заодно сказать бывшему боссу большое спасибо за этот несносный орущий балласт.

— Что? — резко разворачиваюсь, и Ая на всех скоростях врывается в мою грудь. Удерживаю ее, но девчонка тут же вырывается.

— ОЙ! — отпрыгивает, тарашит на меня свои огромные глаза. Не могу удержаться от сарказма.

— Еще чуть-чуть, и твои глаза покинут орбиту. Выдыхай, — с трудом сдерживаю смех.

— Очень смешно, — бормочет. — Ну так вот! Слушай... спасибо тебе.

От неожиданности замираю. Однако чутье подсказывает, что Ая что-то задумала. Просто так благодарит? Нет, быть такого не может! Кто угодно, но не она. С этой девчонкой-бедой нужно быть начеку.

Складываю руки на груди. Жду.

— Эм... ты чего? — она опасливо делает шаг назад.

— Жду продолжения, — говорю, выгибая бровь. — Простым «спасибо» ведь ты не ограничишься?

Она вспыхивает, бледные щеки заливает густой румянец. Ая опускает взгляд. Хлопает ресницами. Невольно подмечаю, какая она красивая. Вздернутый носик, пухлые губы.

Если бы не отвратительный характер — золото, а не девочка.

— Просто... зачем все это? — вздергивает подбородок. — Со мной одни проблемы. Давай ты просто отвезешь меня в общагу, а я клянусь больше не проводить таких акций на режимных объектах! От этого всем будет лучше!

И смотрит так невинно, умоляюще. Прощупывает мои границы. Нет, со мной это не пройдет.

— Ты не поняла меня, Ая, — понижаю голос, делаю шаг к ней. Мое терпение трещит по швам. — У тебя есть лишь два выхода. Либо ты остаешься здесь, либо идешь в тюрьму. Третьего не дано.

Весь флер невинности резко спадает.

— Ты... — она аж задыхается от злости, карие глаза мечут молнии. Ничего, милая, тебе придется принять мои правила.

— Можешь уйти хоть сейчас, — иду ва-банк, крупно рискую. Эта бешеная девчонка может на импульсе сбежать, а потом ищи-свищи ее по городу. — Но как только дверь квартиры за тобой закроется, первый же полицейский патруль сгребет тебя в охапку и повезет в отделение. Там тебя защитить некому.

— Изверг! — выпаливает, сжимая руки в кулачки. — Зачем я тебе, а? Сам же видишь, я не хочу здесь находиться! Мне не нравится тут! И ты мне не нравишься!

Она намеренно злит меня. Но я не поддамся. Годы службы снайпером возвели вокруг моей психики стальную броню.

— Придется смириться, Ая.

— Ты не можешь... — она поджимает губы. Ничего, иногда полезно взглянуть на реальность без розовых очков.

— Могу и сделаю. Думаешь, мне в радость за тобой бегать? — складываю руки на груди, сверху вниз смотрю на Аю. — У меня своих дел по горло, но так вышло, что я дал обещание о тебе заботиться.

Ее подбородок ходит ходуном. Я слегка удивлен. Только что корчила амазонку, а теперь передо мной снова юная девочка. Манипулирует? Ничего не выйдет, Ая. Я уже знаю, какой занозой в заднице ты можешь быть.

— Кому дал? — почти шепчет.

Или не играет? Слишком естественно получается. Ая стирает со щек слезы. А у меня внутри рождается противное чувство вины.

— Твоей сестре.

Она поднимает взгляд. Смотрит, словно затравленный зверек.

— Можешь не стараться... она мертва! А обещания мертвым ничего не значат! — срывается с места, бежит в ванную и закрывается там.

А я стою и не могу понять: перегнул палку или она так талантливо притворяется? Хочу ей верить. Но после сегодняшней выходки на светофоре не могу...

Игнорируя девчонку, иду в свою комнату и переодеваюсь. С пуговицами удастся справиться не сразу. Чертова рука трясется, кажется, с удвоенной силой.

— Блядь! — рычу себе под нос, стискиваю зубы и все-таки расправляюсь с последней пуговицей.

Никчемный!

Я был снайпером. Знал каждый миллиметр своей винтовки. Знал, как усмирить пульс перед выстрелом.

Был частью команды. Работал без сбоев, словно идеальный механизм.

А теперь? Жалкая пародия на мужика, который не может унять дрожь в руке и справиться с проклятой пуговицей?!

Я чувствую себя бесполезным инвалидом. Все мои навыки можно выбросить на помойку. В этом мире мне не место.

Теперь вместо четких целей и понятных приказов — хаос в виде этой девятнадцатилетней девчонки.

Ая — балласт, который тянет меня на дно. Каждый раз, когда она смотрит на меня, я вижу ее сестру, которую мы не смогли уберечь.

Я не нянька и не опекун!

Я солдат, у которого отобрали оружие, оставив взамен чужую сломанную жизнь. В то время как моя лежит в руинах.

Смотрю на себя в зеркало. Этот костюм... блядь, я нена-

вижу костюмы! И пусть в моей голове сейчас извергается вулкан, на лице не дрогнет ни единый мускул.

Выхожу в холл. Делаю пару шагов в сторону ванной. Слышу шум воды... и тихий всхлип. Поднимаю руку, чтобы постучать и спросить, почему она плачет...

Сам же видишь, я не хочу здесь находиться! Мне не нравится тут! И ты мне не нравишься!

Убираю руку.

— Вижу, — шепчу себе под нос, разворачиваюсь и иду к двери. Перенастраиваю биометрический замок. Активирую систему слежения на мобильном. Если эта несносная девчонка попытается сбежать, я узнаю.

Выхожу, сажусь в машину. Гляжу на руку, которая лежит на правом бедре. Обманчиво спокойно. Но я знаю, что так лишь кажется.

А левую руку я освоил не до конца.

Вставляю ключ зажигания, газую и выкручиваю руль.

Отчего-то на сердце беспокойно. Мысли то и дело возвращаются к огромным испуганным глазам Аи. На душе паршиво, кошки скребут.

И тянет вернуться...

Глава 5. Беглянка в чужой коже

Ая

— Я сбегу, — бормочу себе под нос, скидывая мокрую одежду, — сбегу... нужно просто успокоиться.

Аккуратно нажимаю на кнопки на стенной панели.

Без панического флера все вполне понятно. Даже не понимаю, отчего устроила эту позорную истерику в его ванной.

Еще просила его отпустить меня. Дура! Не отпустит...

Но почему-то я не чувствую страха рядом с ним.

Раздражение и нежелание подчиняться — да! Но мне не страшно.

Бить он меня не станет, насиловать вроде тоже не планирует...

Оставляю старые шмотки на полу. Гляжу на себя в зеркало. Тощая, ничего выдающегося. Грудь единица, глиста без форм.

В розовых трусах с утенком и спортивном лифчике. Только ноги длинные, и на том спасибо!

Волосы взъерошенные, собранные в небрежный пучок.

Вряд ли я способна привлечь такого мужчину, как Марат. Людка моя покрасивее будет. Стопэ! Почему я вообще думаю о нем?

Захожу в душевую кабинку. Вернее, зону. Душ от остальной ванной отделяет только прозрачная дверца, которую я

совсем недавно чуть не вынесла задницей.

Пол теплый. Водичка льется приятная. Прижимаюсь спиной к кафельной стене.

В безопасности ли я? Кто такой этот Марат?

Беру мочалку. Мягкая... хоть что-то приятное в этой холодной квартире.

Тру... тру... а в голове сами собой вспыхивают образы прошлого...

— *Ты не должна в это ввязываться!* — *возмущенно пыхчу, пока моя сестра бежит по квартире, собирая вещи в военный рюкзак.*

— *Ая... — она садится рядом со мной на кровать, заглядывает в глаза, — этой девочке помочь некому! Ее продают ужасному человеку!*

Я понимаю... все понимаю! Но под грудью по ребрам скребется дурное предчувствие.

— *Ну пусть эта военная группа сама разбирается! Почему ты должна подвергать себя опасности? — в отчаянии хватаю Айше за руки.*

— *У них нет женщин, которые могут внедриться служанками, Ая. Плюс Багир предложил мне хорошую оплату, а тебе нужны деньги на продолжение обучения.*

Всхлипываю. Сестра проводит ладонью по моей щеке. Стирает слезы с ресниц. На ее красивом лице рождается улыбка.

— *Я вернусь, сестренка! Но это мой долг. Наша мама*

сбежала с Кавказа под покровом ночи, рискуя жизнью... чтобы меня шестнадцатилетнюю не выдали замуж за старика. Она рискнула всем... я не могу просто отмахнуться от Мадины, понимаешь?

— Маму нашли и убили, — мрачно произношу, — я не переживу, если что-то случится с тобой! Эти люди... террористы! Они опасны!

— Тем более, — парирует сестра, — эта девочка младше тебя! Она юна и невинна! Но после операции я завяжу. Найду обычную работу, и мы с тобой будем жить, как нормальные люди.

— Обещаешь? — с надеждой смотрю на единственного родного человека. У меня после смерти мамы нет никого, кроме Айше.

— Клянусь, — она показывает мизинчик, мы сплетаем пальцы, — дождись меня, Ая.

Она уходила, уверенная в себе и в команде.

Сильная, смелая, моя непобедимая Айше.

Сестра верила в их кодекс, в слово мужчин в военной форме.

Верила этому Багиру и Марату наверняка тоже. Они обещали ее защитить.

А потом мир просто перестал существовать.

— Ая, ваша сестра... мертва.

Лишь холодный голос в трубке. Осознание. Ей отрезали голову за то, что она помогла этой Мадине сбежать.

И те, кто должен был прикрывать ей спину... облажались...

Обещания мертвым ничего не значат... потому что живые не смогли их выполнить...

Вздрагиваю. Реальность накрывает с новой силой. Я в руках одного из них... того, кто спокойно смотрел на коробку, полную голов девушек.

Мустафа Газали. Так звали того, кто сделал это с Айше.

Но я не могу перестать ненавидеть тех, кто не защитил ее. Меня разрывают ненависть и беспомощность. Мне девятнадцать. Что я могу против этих головорезов?

Только ходить и открывать людям глаза. Чтобы не забывали, что насилие порождает только насилие. Чтобы понимали, что жертвы — это результат их слепоты и равнодушия!

Горячая вода хлещет по плечам. Но я дрожу от холода.

Словно снова перенеслась в нашу пустую квартиру, в которой больше никогда не услышу смех Айше...

Со всей силы сжимаю мочалку. Тру кожу со всей силы, пытаюсь стереть прошлое, свою боль... тоску. Заполнить пустоту в душе хотя бы чем-то... пусть и неприятным.

Не могу остановиться. Кожа покрывается алыми полосами.

Слёзы смешиваются с каплями воды, стекают по щекам. — Айше, — шепчу, громко всхлипывая.

Я так скучаю по ней! Кажется, из сердца вырвали огромный кусок, и теперь там сплошная рана.

— Это все вы... — шепчу в пустоту. — Ненавижу... всех вас!

Быстро смываю пену. Нужно уходить.

Осторожно, едва дыша, тянусь к сенсору выключения.

Тыкаю пальцем. Панель снова капризничает. Вместо выключения, она снова настаивает на хамаме и с потолка начинает выползать пар.

— Да чтоб тебя, пыточная камера! — рычу и со всей силой бью по сенсору.

Слава Всевышнему, вода останавливается. Я выскакиваю из душа, беру полотенце и тщательно вытираюсь. Кожа горит.

Беру в руки черную футболку Марата.

Рассматриваю ее, словно заморскую диковинку. Ткань невероятно мягкая. Не тот дешевый хлопок, к которому я привыкла.

Она тяжелая, прохладная и... пахнет им. Горьким можжевельником и мужчиной...

Натягиваю.

Ткань скользит по коже. Футболка огромная. Плечевые швы свисают почти до локтей, длина до середины бедра.

Мне неловко. Кажется, будто его руки всё еще лежат на моих плечах. А темные глаза заглядывают прямо в душу.

БРР! Нет! Нельзя! Отбрасываю зарождающуюся симпатию. Я не могу тут находиться!

Если один из этих людей меня тут запер, значит, я им нуж-

на. Добра от них я не жду. Значит...

Я должна сбежать. Осторожно приоткрываю дверь ванной.

Тишина. Выхожу в гостиную на цыпочках, голыми ногами ступаю по теплomu полу.

Осматриваюсь.

В этой квартире нет жизни. Кухня с идеально пустыми глянцевыми поверхностями. Встроенный холодильник без единого магнитика. Ни крошки, ни забытой чашки.

Гостиная с огромным черным кожаным диваном.

Здесь нет ни одной фотографии или безделушки. Каких-то сувениров.

Только сталь, стекло и мрак. И тяжелая аура силы, которая тут повсюду. Кажется, что она пропитала все поверхности.

Подхожу к входной двери.

Горло сжимается, мешая дышать. Сердце пропускает удар.

Действительно биометрический замок. Гладкая черная панель, светящаяся холодным неоновым светом.

Это безумие... знаю!

Марат сказал, что я в ловушке.

Сжимаю руки в кулаки. Нужно хотя бы попробовать! Не прощу себе, если не попытаюсь...

Дрожащей ладонью нажимаю на панель...

Глава 6. Чужие раны

Марат

Подъехав к бару, где мы с Багиром договорились встретиться, я какое-то время сижу в машине. Не могу избавиться от гадкого ощущения.

Ая...

Ее глаза, полные ненависти, снова вернули меня в тот самый день, когда мы нашли Айше. Газали вычислил девушек раньше, чем мы смогли их вытащить. И поплатились их жизнями.

Достаю сигарету. Кручу ее в пальцах.

Думаю, у каждого из нас то зрелище... коробка с головами... стоит перед глазами и приходит в кошмарах. Я слишком черствый, но где-то там, в глубине холодного сердца, пульсирует червоточинка вины...

Выхожу, направляюсь к бару.

Багир уже там. Он поднимает руку, я направляюсь к бывшему боссу. Даже в обычной одежде он все еще пугающе огромный. Широкие плечи, густая щетина, едва тронутая сединой.

И блеск в глазах. Ведь его жена ждет ребенка.

— Марат, давненько не виделись, — улыбается он, встает, и мы обнимаемся, — дружище.

— Багир... — смотрю на него, — ты аж светишься. Как

уличный фонарь.

— А ты, как всегда, поэтичен, — ухмыляется он, — я заказал нам виски.

— Я за рулем, — коротко отвечаю, — просто хотел сказать, что сегодня познакомился с Аей.

— Да ты что? — он берет сигарету, закуривает. — Ты же вроде должен был позже к ней поехать?

— Так вышло, — не рассказываю о ее выходке на режимном объекте, — спасибо, кстати, за помощь с работой. Там я хоть как-то связан с оружием.

Горечь поднимается к горлу, рука начинает предательски трястись. Да блядь! Стискиваю зубы от злости. Ненавижу это дефектное тело.

Багир с сочувствием смотрит на меня. Еще, блядь, хуже!
— Не надо меня жалеть, — тихо говорю, — сам подставился.

После ухода Багира из команды я еще какое-то время оставался с остальными. И в первую же миссию словил пулю в плечо. После ранения так и не оправился.

— Та пуля предназначалась Саиду, — хмыкает он, делая глубокую затяжку, — ты спас его.

— Он важнее. Мне все равно пришлось бы завязать из-за моего обещания.

Ая...

— Жалеешь? — Багир смотрит на барную стойку, где, похоже, начинается дебош. Какой-то пьяный мудака в кожаной

куртке лезет к стайке девушек.

Бармен достает биту. Выглядит он как-то неуверенно.

— Пока не знаю, — отрезаю, наблюдая за зарождающейся дракой. Лезть туда нет никакого желания.

Но тут раздается грохот бьющегося стекла и пьяный ор. Ситуация накалилась до предела. Вашу ж мать.

Парочка перекачанных парней в кожаных куртках прижимает к стойке перепуганного бармена. Бита с глухим звуком падает на пол. Остальные посетители переглядываются.

Один из дебоширов, замахнувшись осколком бутылки, орет на всё заведение: «Ты у меня сейчас кровью умоешься, паскуда!».

Багир тяжело вздыхает и уже начинает отодвигать стул, собираясь подняться. Но я мягко кладу левую ладонь ему на плечо.

Мадина ждет ребенка, ему подставляться в драке ни к чему. А мне — самое время выпустить пар. Много дерьма накопилось.

— Сиди. Я сам.

Встаю. Рука, которая секунду назад тряслась, в мгновение ока каменеет.

Фокусировка снайпера включается сама собой, превращая мир в тактическую карту.

Три шага — и я оказываюсь за спиной у того, что с розочкой.

Не трачу время на пустые разговоры или предупрежде-

ния. Действую на поражение.

Перехватываю его запястье левой рукой. Хруст кости отчетливо слышен даже сквозь гул бара.

Осколок со звоном летит на пол.

В ту же секунду бью ногой ему под колено, заставляя амбала с глухим стоном рухнуть на пол.

Второй дергается в мою сторону, но я просто перевожу на него взгляд. Холодный. Злой.

Ну давай... попробуй, сука! Дай мне повод...

Взгляд человека, который видел ад и вернулся обратно.

Надавливаю ботинком на шею первого. Сильнее. Он хрипит, вжимаясь лицом в грязный пол. Бьется, как рыба, выброшенная на берег. Только вот я сильнее. И злее.

— Еще один звук, — произношу тихо, но так, что второй поднимает руки и отступает на два шага, — и на своих ногах вы отсюда не выйдете. Это ясно?

Тишина.

Нападавший внизу испуганно стонет. Судорожно трясет головой, соглашаясь. Убираю ногу, брезгливо вытирая подошву об его джинсы, и разворачиваюсь обратно к столику.

— И перед девушками извиниться не забудьте, — бросаю через плечо, поправляя сбившийся воротник рубашки.

Возвращаюсь к Багиру. Он присвистывает.

— С каких пор ты за девичью честь вступаться стал? — усмехается, осушая бокал с виски. К нам подходит бармен.

— Спасибо, — его голос дрожит, — думаю, они еще долго

не появятся.

— Терроризируют вас? — спрашивает Багир.

— Да...

— Вот, — он достает визитку нашей бывшей группы, которая сейчас называется Варвар, протягивает бармену, — там главный наш хороший друг. Если они еще появятся, ты звони, скажи, что от Багира. Они помогут.

— Спасибо! Вся выпивка и закуски за наш счет, — улыбается.

— Воды без газа со льдом, — бросаю, достаю сигарету, закуриваю.

— Ну так... Ая. Вы познакомились и...? — бывший босс пристально смотрит на меня.

— Чего ты ждешь? — усмехаюсь, тыкая сигаретой в пепельницу. — Счастливого знакомства не получилось. Она ненавидит меня...

— Почему? — он округляет глаза, мои слова явно шокировали Багира.

— Потому что... — заминаюсь, — она думает, что я виновен в смерти ее сестры. И не стесняется об этом говорить.

— Это неправда, — Багир сжимает руки в кулаки. Вижу, как играют желваки на его лице. Виноватым считает себя он.

— Правда, — выдыхаю кольцо дыма. Бармен ставит передо мной стакан воды. Идеальные кубики льда со звоном бьются друг о друга, — потому что...

ПИИИП!

На телефон приходит сообщение.

Попытка взлома биометрической системы...

— Ая... — выдыхаю, затем встаю, — потом поговорим.

Мне нужно срочно домой...

Не дождавшись ответа, выскакиваю на улицу.

Глава 7. Чужая постель

Марат

Даю по газам и выезжаю с парковки. В голове, словно набат, стучит уведомление на телефоне. Значит, Ая не послушалась.

Сжимаю руль до скрипа дорогой кожи под пальцами.

Несносная девчонка! Неужели не поняла, что никуда ей не сбежать?! Злость горьким комом поднимается к горлу, но я ее сглатываю.

Возьми себя в руки, Марат! Ей девятнадцать, она ничего не понимает. Ая испугана и зла. Она совсем одна в этом мире.

Как и я...

Не помню даже, как оказываюсь на парковке у дома.

Как ставлю машину.

Как взлетаю на этаж.

Смотрю на телефон. Сенсорный замок отключен. Но у меня довольно хитрая система безопасности. Доверять электронике на сто процентов нельзя. Так что в случае вскрытия электронного замка у меня сразу активируется механический.

Достаю ключ, затем открываю дверь.

Тишина. За окном начинает темнеть, рыжие лучи солнца освещают гостиную. Хм. Делаю шаг и чувствую под ботин-

ком что-то твердое.

Отвертка?

— Мда, Ая, — усмехаюсь, увидев свои инструменты, разбросанные по полу, и одиноко лежащую сенсорную панель. Присаживаюсь на корточки и беру ее в руки. — Умело ты ее развинтила. Вот только это не помогло, да?

Где-то в глубине души я даже восхищен ее упорством. Маленький зверек, загнанный в угол, может быть крайне опасен. Откладываю панель в сторону. Нужно бы подключить ее получше.

Встаю, разуваюсь. Затем иду в гостиную. И замираю...

На моем черном диване спит Ая. Волосы мокрые, на девчонке лишь моя футболка. Низ задрался по самое небалуй. И я вижу ее спортивные девчачьи трусики.

Кадык дергается. Низ живота обдаёт огнем, *** каменеет мгновенно. Вашу мать...

— Она моя подопечная... — рычу, ругая себя. Такая реакция просто недопустима. В два шага оказываюсь над ней. Даже во сне Ая борется. Руки сжала в кулачки, насупленная. — Не можешь расслабиться?

Кажется, что время тянется бесконечно долго... а я смотрю.

На ее милое личико, худенькие плечи.

На рассыпанные по дивану мокрые темные волосы. Так похожа на сестру.

С Айше никогда не было проблем. Она всегда выполняла

условия контракта. Неважно, что нужно было делать... притвориться служанкой или богатой мажоркой.

Пойти на свидание с каким-нибудь негодяем, усыпить его и вытащить нужную информацию.

Но теперь я вижу, что у них это семейное. Ая, может, и не гений стратегического планирования, но смогла пробраться на военное предприятие. Значит, эта головка не только красивая, но и умная.

Мне не стоит ее недооценивать.

— Ммм... — она резко и шумно стонет, затем переворачивается на спину. Низ моей футболки задирается неприлично высоко. Да блядь!

Аккуратно, чтобы не разбудить, беру свою подопечную на руки. Она тут же обвивает мои плечи и прижимается.

Мое тело живет своей жизнью. Я весь напрягаюсь, лишь бы не позволить себе лишнего. Крепче прижимаю девушку к себе, затем несу в комнату для гостей.

В моей квартире три комнаты. Одна моя, вторая и третья — гостевые.

Признаться, я не думал, что Ая будет жить со мной.

Планировал просто пополнять ее карточку раз в месяц и следить, чтобы доучилась.

Кладу чертовку на постель. Затем тихонько накрываю ее одеялом. Нависаю сверху.

Красивая девчонка. Но явно не про мою честь.

Резко выпрямляюсь и иду на кухню. Достая бокал для

виски и бутылку. Вот для таких моментов и держу в баре свой пятнадцатилетний Маккалан.

Залпом осушаю, затем наливаю еще.

Сам не замечаю, как голову наполняет хмельной туман. А перед глазами мелькают полные ярости глаза Аи. И ее упругая попка...

— Подопечная... она моя подопечная, — шатаюсь, убираю виски в бар и иду в душ. Быстро ополаскиваюсь, натягиваю на бедра полотенце. Опираюсь ладонями на раковину. Смотрю в зеркало.

Мою личную жизнь тяжело назвать бурной. Скорее, она уже давно стоит на паузе.

Я с самой юности женат на работе. Случайные связи были редкостью, когда совсем прижимало.

Всегда учился держать себя в руках. Но эта несносная девчонка-беда разнесла мой самоконтроль в щепки. Любую другую я бы просто сдал в полицию, чтобы припугнуть.

А за Аю переживаю. Почему? Только ли из-за обещания, данного Багиру?

Рука снова начинает дрожать. Да сука!

Выпрямляюсь, затем, шатаюсь, направляюсь в свою спальню. Стягиваю полотенце, надеваю чистое белье и ложусь.

Закрываю глаза. Армейская привычка засыпать даже стоя позволяет отключиться мгновенно.

Посреди ночи просыпаюсь.

Ая во сне перебралась в мою постель. Девчонка тихонько

скулит, содрогаясь то ли от холода, то ли от кошмара. Она отчаянно льнет ко мне, ища защиты.

— Айше... — шепчет.

Утыкается носом в мою шею. Закидывает худенькое бедро на меня.

Черт! Твою же мать!

Крышесносный запах девичьего тела бьет в голову мощнее любого алкоголя.

Кровь в венах закипает, член мгновенно твердеет и неприятно упирается в боксеры.

Самоконтроль, сука...

Ая возится, капризно выгибает спину и одним движением стягивает футболку через голову, оставаясь передо мной практически обнаженной.

Ее маленькая упругая грудь вздымается от частого дыхания.

Чистейшее искушение, от которого темнеет в глазах. Это добивает меня окончательно.

Резким движением нависаю над ней. Дышу тяжело, глубоко.

Тянусь ладонью, но замираю в миллиметре от нежной, бархатистой кожи. Сжимаю зубы до боли.

Хочу сжать эти изящные бедра, вжаться в нее всем телом и...

В паху мучительно пульсирует, яйца поджались. Меня разрывает от желания, от долгого воздержания.

Ая так близко. Один шаг — и я переступлю черту.

— Блядь... — хриплю, сходя с ума, отчаянно борясь с самим собой.

Девчонка сладко вздыхает. Обвивает руками мою шею, неосознанно подставляясь под ласку. Прижимается стоячей грудью к моей коже.

Это становится точкой невозврата. Честь военного и остатки здравого смысла все же берут верх.

Ей девятнадцать. Она ненавидит меня.

Если сделаю с ней что-то, не прощу себя никогда! И она меня не простит.

Отрываюсь от Аи, рыча под нос ругательства. Сбегаю из собственной спальни.

Падаю на диван в гостиной. Мое тело требует разрядки. Я весь горю, сон как рукой сняло.

Поспал, мать вашу...

Глава 8. Берлога хищника

Ая

Просыпаюсь и сладенько потягиваюсь. Так прохладно, хорошо. Кровать мягкая! Погодите-ка!

Распахиваю глаза, резко сажусь в постели. Это не моя об-
щага!

И тут память предательски открывает мне события вче-
рашнего дня. Неудачная акция протеста, затем Марат... на-
ша перепалка, его уход и мои попытки вскрыть его замок.

Стоп! Почему я в одних трусах? Опускаю взгляд и вижу
свою футболку (вернее, не свою, а Марата) на полу. Стекаю
с постели, быстро натягиваю. Меня начинает трясти.

Это явно его спальня! Я прям чувствую!

Она пугает своей идеальной, бездушной роскошью. Всё
тут такое же холодное и властное, как он сам.

Никого уюта, только огромный массивный траходром, в
смысле кровать с дорогим бельем. Давящие черные стены.

Сердце испуганно стучит о ребра, когда я вдыхаю этот
воздух: он буквально пропитан можжевельником.

Настоящая берлога хищника, в которой я чувствую себя
абсолютно беспомощной жертвой.

Почему я здесь?! Трясу головой, пытаюсь вспомнить то,
что случилось ночью, как я тут оказалась. Но ничего не пом-
ню!

Помню лишь кошмары, в которых мою сестру раз за разом у меня забирают.

И тут со стороны кухни раздается звон посуды.

Я широким шагом иду туда, намереваясь выяснить, что этот мужик посмел сделать со мной ночью и зачем притащил в свою кровать!

Замираю у двери. Вся моя решимость куда-то испаряется. Топчусь на пороге, не в силах шаг сделать. Давай, Ая, не ты тут виновата!

— Так и будешь на пороге стоять? — раздается низкий голос, я аж подпрыгиваю на месте.

Внутри закипает ярость. Делаю шаг, складываю руки на груди.

На кухне играет тихая музыка. Марат мирно нарезает зеленый лук.

— Как я оказалась в твоей спальне? — рычу. — Что тебе нужно от меня? Ты извращенец?

Он даже не оборачивается. Мастерски шинкует зелень, словно шеф-повар. Спокойный какой! Я бешусь еще сильнее.

— Для начала прикрой рот, Ая. Сквозняк поднимется, — говорит равнодушно, аккуратно смахивая лук ножом в миску с омлетом. — Во-вторых, «извращенец» сейчас стоит у плиты и готовит завтрак на двоих. А в-третьих, если бы мне от тебя что-то было нужно, ты бы сейчас не психовала, а сладко спала.

— Да как ты смеешь?! — от гнева я аж горю вся. Делаю шаг к нему. — Я проснулась почти голая в твоей постели! Ты воспользовался тем, что я была без сознания, притащил меня к себе и... и...

Меня душит возмущение.

— И что? — Марат разворачивается. Опирается ягодицами на столешницу. В его взгляде пляшут черти. Весело ему?!

Взгляд невольно соскальзывает вниз.

Широченные плечи, узкая талия, прокачанный пресс. Для старика он очень даже неплохо выглядит.

Еще и штаны напялил, которые все это вот подчеркивают! Будто один живет! Рrr! Бесит!

И смотрит на меня, как на шумного воробья. Презрительно, свысока. Ни капли вины в глазах!

— Ну, что замолчала? Договаривай, Ая, — подначивает меня. — Что я сделал? Рассмотрел твои трусы с уточками? Извини, не впечатлился. Ты явно преувеличиваешь масштаб катастрофы.

Улыбается Марат. Это распаляет меня еще сильнее.

— Да как ты... как... совсем, что ли?! — рявкаю. Щеки помимо воли заливают густой румянец. — Ты скотина, Марат! Я знаю! Ты специально это сделал, чтобы меня унижить? Показать свою власть?! Только вот ничего у тебя не выйдет!

— Я сделал это, чтобы ты не замерзла, — устало вздыхает, словно это я его тут утомляю. — Посреди ночи приползла в мою спальню, устроила стриптиз, стянув с себя футболку.

Сама залезла ко мне под одеяло, Ая! Прижималась так, будто я твой единственный спасательный круг. Мне нужно было выкинуть тебя на пол?

Что?! От удивления открываю рот. Из легких вышибает весь воздух. Молчу, лишь беспомощно хлопая ресницами.

Я... не помню...

А вдруг это правда? Вся сжимаюсь, чувствуя, как горький стыд подбирается к горлу. Вдруг в полусне, спасаясь от кошмаров про сестру, я сама... к нему?!

Краска заливает меня от пяток до макушки. Я готова сквозь землю провалиться...

— Что, язык прикусила? — Марат возвращается к плите, доставая сковородку. Он заливает туда омлет из миски. — Садись есть, бунтарка. Нам надо обсудить, как уживаться будем.

Я покорно сажусь на высокий барный стул. Закрываю лицо руками.

Неужели я сама пришла к нему, чуть ли не предложила себя? А он... не взял.

И это обезоруживает. Вся моя агрессия и гнев испаряются, оставляя лишь вкус горечи на языке.

— Завтрак готов, Ая, — Марат ставит передо мной тарелку. Пахнет потрясающе! Но...

— Я не голодна, спасибо, — отодвигаю, сжимаясь.

УРРР!

Живот скручивает от голода. Но принципы важнее. Я не

позволю купить меня едой!

— Твой желудок считает иначе, — равнодушно произносит Марат, затем садится и принимается за еду.

— О чем ты хочешь поговорить? — бормочу.

— Я простил твои вчерашние выходки. Ты напугана, потеряна, я понимаю...

Да черта с два! Но я поджигаю губы и молча слушаю.

— Нам нужно установить правила. Первое: усвой, что завтрак — самый важный прием пищи, — Марат двигает ко мне тарелку. Я игнорирую.

— Что еще?

— Для начала нам нужно познакомиться нормально. То, что случилось вчера... — он замолкает, обдумывая мысль, — это неправильно.

— Согласна. Не нужно было тащить меня в свою берлогу и запираить здесь!

Марат хищно прищуривается. Вижу, что его злит моя реакция. Ну а что он хотел? Я здесь не по своей воле!

Его взгляд темнеет. Возникает ощущение, что над моей головой нависает грозовая туча. Аура этого мужика сильно давит, вынуждая меня слегка отодвинуться.

— Значит, знакомства нормального не будет. Ладно, — он кладет вилку, встает и выходит с кухни. Эээ... и что теперь?

Возвращается спустя минуту. Несет в руках увесистую папку. Швыряет ее передо мной.

— Что это? — исподлобья смотрю на своего тюремщика.

— Контракт. Раз по-хорошему ты не хочешь, будет по-плохому.

Сжимаю руки в кулаки.

— Я ничего не буду подписывать!

— Будешь, Ая. Еще как будешь, — недобро усмехается Марат, затем встает совсем рядом. Я чувствую жар его тела. Всевышний! За что мне это всё?!

— Не буду... — шепчу хрипло.

— Будешь, — его губы совсем рядом с моим ухом. Мужское дыхание на шее пускает мурашки, а запах можжевельника слегка дурманит, — иначе вернешься прямиком в СИЗО. И там тебе уже никто не поможет.

Глава 9. Правила подполковника

Марат

Ая испуганным зверьком смотрит на папку с контрактом. Затем переводит взгляд на меня.

— Я не...

— Открой и прочти, — спокойно говорю, хотя внутри у меня всё взрывается и пылает. Эта девчонка с самого утра уже полностью разбила самоконтроль, который я с трудом вернул после её ночного вторжения.

— Не буду! — капризничает. Сжимаю зубы до хруста. Вот же несносная...

— Придется. Читай, Ая... теперь вслух, — ужесточаю требования. Она бросает на меня возмущенный взгляд. Вся натянутая, как струна. Неужели я настолько ей противен?

Перед глазами невольно вспыхивает картинка, как эта строптивая девчонка жалась ко мне ночью. Как терлась стоячими сосками о мою грудь.

— Ты издеваешься?! — рычит, делает попытку встать, но упирается в мою грудь. — Отпусти меня!

— Я сказал — читай, — вкладываю в голос всё спокойствие, которое у меня осталось. Отшлепать её, что ли?

Ая какое-то время пыхтит мне в грудь, затем отворачивается. От неё хорошо пахнет. Свежестью, молодостью. Нехотя немного отстраняюсь.

Она рывком раскрывает папку. Вытаскивает первый лист. Смотрит так, словно там прописан смертный приговор. Молчит.

— Ну? — слегка подталкиваю её. Нахождение рядом с этой бедой требует больших душевных сил.

— Пункт первый. Подопечная обязуется находиться в пределах квартиры ежедневно не позднее двадцати трех часов ноль-ноль минут.

Замолкает. Я прям вижу, как её щеки раздуваются от гнева. Ая резко разворачивается и тычет в меня тонким пальцем.

— Комендантский час?! Ты серьезно?! Мне девятнадцать! Я тебе что, малолетка в детском лагере? Да в это время жизнь только начинается!

— Твоя бурная жизнь вчера закончилась, — складываю руки на груди, не двигаясь с места. — Читай дальше.

Ая пыхтит, как злой ежик. Забавная такая! И даже немного милая.

— Пункт второй, — цедит сквозь зубы, словно каждое слово дается ей с трудом. — Опекун осуществляет полный контроль над учебным процессом Подопечной в университете. В случае неуспеваемости, наличия задолженностей или пропусков, Подопечная лишается ежемесячного содержания на карманные расходы.

Затихает. Но я знаю, что за этим молчанием последует взрыв.

— Ах ты шантажист! — верещит. — Решил меня голодом морить? Контролировать он будет! Ты мне не отец!

С губ срывается тихий рык.

— И слава Всевышнему! Был бы отцом — порол бы ремнем по заднице за то, что ты вытворяешь.

После моих слов на её щеках расплзается красное пятно. Представила? Блядь... и я представил. Беру себя в руки.

— Громче, Ая, тебя плохо слышно.

— Так купи слуховой аппарат, дедуля! — огрызается. Но отчего-то её слова меня совсем не задевают. Возможно потому, что я знаю: контракт — это наш с ней единственный выход.

Ая шумно вдыхает носом воздух. Глаза горят такой яростью, что, будь её воля, она бы меня прямо сейчас испепелила.

— Пункт третий. Подопечной строжайше запрещается участие в любых несанкционированных митингах, акциях протеста и сомнительных сборищах. В случае нарушения данного пункта Подопечная лишается права покидать периметр квартиры до конца текущего календарного года. Да ты... ты... тиран! Это незаконно! Это лишение свободы! Я имею право выражать свою гражданскую позицию!

— Твоя позиция вчера чуть не обеспечила тебе пару ночей в СИЗО, — жестко отрезаю. — Следующий пункт.

Ая перелистывает страницу. Хватает бумагу так сильно, что та трещит.

— Пункт четвертый, — тычет пальцем в текст. — Подопечная обязуется беспрекословно предоставлять Опекуну доступ к своим геолокациям в режиме реального времени. Отключение телефона или функции отслеживания приравнивается к попытке побега.

Она выглядит, как помидор. Вся красная, возмущенная. А я ловлю себя на том, что люблю её яростью. В ней столько жизни, что даже сама Ая не понимает.

— Что?! Колокольчик мне еще на шею повесь! Может, мне и в туалет с камерой ходить, чтобы товарищ майор спал спокойно?!

Я наклоняюсь к ней ближе. Понижаю голос и шепчу, наслаждаясь, как на её белой коже выступают мурашки:

— Товарищ подполковник. Номер пять, Ая.

Она затихает. Вся сжимается.

— Пункт пятый. Опекун имеет право одобрять или накладывать вето на круг общения Подопечной. Появление в квартире третьих лиц без предварительного согласования запрещено. То есть мне теперь и подругу на чай не позвать? А парня?! Если у меня парень появится?!

Внутри меня что-то недобро щелкает от её слов про парня. Не нравится мне это...

— Никаких парней на моей территории, — отрезаю жестко. — И на твоей тоже. Пока ты под моей ответственностью — никакой личной жизни. Читай шестой, последний.

Ая прикусывает губу до крови. Её глаза наполняются злы-

ми слезами. Птичка понимает, что попалась.

— Пункт шестой... Подопечная обязуется поддерживать порядок в выделенной ей комнате. Замечательно! Я теперь еще и бесплатная прислуга в твоей берлоге! Рабыня! Может, я тебе еще и ноги мыть должна?!

— Готовить я и сам умею, как ты заметила, — парирую. — А вот спотыкаться о твои трусы с утятами и лифчики не хочу. В самом низу поставь свою подпись.

— Не буду! — она отталкивает папку, листы разлетаются в стороны. — Посади меня обратно в СИЗО! Там хотя бы геолокацию включать не требуют!

Блядь! Как же достала она меня! Но я всё еще держу себя в руках.

— В СИЗО, Ая, у тебя заберут не только телефон, но и свободу. Лет на пять. Из-за акции на военном объекте, — беру ручку со стола и насильно впихиваю в её дрожащие пальцы. Она такая горячая! Меня пробивает до макушки. — Подписывай.

Она всхлипывает и ставит подпись. Затем резко встает, чуть не влетев в мою грудь.

В её глазах чистая ненависть, задевающая что-то внутри меня. Под ребрами неприятно колет.

— Ненавижу... — цедит, затем широким шагом направляется прочь.

— Если бы ты вела себя адекватно, контракт бы не потребовался. Так что все претензии предъявляй своему отраже-

нию, — говорю спокойно ей вслед. Ая замирает. — А сейчас иди в свою комнату. Через час тебе доставят вещи, и я отвезу тебя в университет. Мне нужно переговорить с ректором.

Она стоит ко мне спиной. Плечи трясутся. Ая плачет.

А я собираю тарелки, выбрасываю её порцию завтрака. И отчего-то чувствую себя последним дерьмом...

Глава 10. Первый раунд

Ая

Залетаю в спальню, громко хлопаю дверью. УУУ! Тиран!

Падаю на постель, лицом зарываюсь в подушку. Хм, а она приятно пахнет кондиционером, фруктовым таким! Так, брр! Соберись, Ая!

Но я не могу. Марат меня растоптал. Унизил, заставил подписать эту чертову бумагу. Сделал какой-то рабыней, честное слово! Позже одиннадцати домой не возвращайся, докладывай, где ты и с кем...

Это тирания!

Всхлипываю, затем переворачиваюсь на спину. Я ведь все еще в его футболке. Большой, черной, мягкой.

Марат...

В голову помимо воли лезут мысли о нем. И вовсе не о том, какой он ужасный и жестокий. А о его руке...

Интересно, почему у него тремор? От чего такое вообще бывает? Тяжело ему, должно быть. Он же военный, даже не представляю, что он чувствует, лишившись из-за своей руки карьеры и... жизни...

Вздыхаю. Ну вот, я уже ему сочувствую! Нужно что-то с этим делать! У меня, по всей видимости, турбо версия Стокгольмского синдрома.

Сажусь в постели, трясую головой.

Спальня неплохая. Тут очень чисто. Светло, в отличие от остальных комнат. Видимо, Марат не хочет, чтобы его гости сбежали, прежде чем он заставит их подписать очередной контракт.

Издаю нервный смешок.

Эта комната больше похожа на номер в хорошем отеле, чем на тюремную камеру.

Всё дышит мужским минимализмом, но без пугающего преобладания черного. Мрак вот вообще не мое. Хотя я все еще в трауре по сестре.

От мысли, что Марат так тщательно подготовил это место для меня, внутри копошится странное ощущение.

Чистейший воздух, идеальный порядок и мягкий ковер под ногами...

Меня заперли в золотой клетке, но, блин, до чего же уютной!

А может, это часть его коварного плана? Ну, посадить меня на эмоциональные качели?

У нас в универе одна девчонка так стала спать с богатым мужиком, а потом всё плохо кончилось.

Он ее чуть не убил... абьюзером оказался. По телу пробегают неприятный холодок. Вообще, Марат очень похож на садиста. Плюс еще и военный, а они все немного с прибабахом!

Встаю с постели. Взглядом ищу свой мобильный. Осматриваю тумбочку, затем залезаю в шкаф. Черт! Черт! Черт!

Неужели потеряла? Массирую виски, судорожно вспоминаю, куда дела его вчера.

Вроде не вытаскивала из кармана джинсов. А джинсы... упс! Они в ванной, Марат планировал их выкинуть. Только не это!

Мечусь по комнате. Что делать? Что делать?

— Не это ищешь? — раздается хриплый голос за спиной, я замираю. По спальне медленно расползается хищная тяжелая аура. Интересно, он сам хоть понимает, как пугает людей?

Медленно разворачиваюсь.

— Ну хоть футболку надел, и на том спасибо, дедуля, — машинально срывается с губ.

Он прищуривается. А я понимаю, что зря это сморозила. В руках Марата мой мобильный. Ну хоть не в мусорке, и то хорошо!

Он лениво подбрасывает мой многострадальный гаджет. Сердце замирает, когда мой любименький старенький девайс висит в воздухе и падает на мощную ладонь Марата.

Не нравится мне, как этот вояка смотрит на мой телефон. Ой, как не нравится!

Я поджимаю губы, боясь сделать лишнее движение. И так уже языком наболтала достаточно...

— Вот стою и думаю, Ая, — тянет Марат, рассматривая мой мобильный. — Что с этим добром делать? Твоя одежда, как я и обещал, уже отправилась в мусорку. А вот телефон...

Как думаешь, если я выкину его вслед за шмотками...

Во мне вскипает праведный гнев и развязывает мой многострадальный язык.

— Ты не посмеешь! — сжимаю руки в кулаки. — Там вся моя жизнь! Конспекты, контакты, расписание!

— И чаты твоих сомнительных бунтарей, — резонно замечает Марат, пряча телефон в карман своих домашних брюк. — Напомню, по контракту тебе запрещено с ними общаться. Зачем лишние соблазны, ммм? Может, в мусорку его? Глядишь, и спать лучше будешь.

Нет! Не надо!

— Марат! — топаю ногой, забыв, что стою на пушистом ковре, из-за чего жест, запланированный как угрожающий, превращается в жалкий «шлеп». — Отдай! Это воровство, статья Уголовного кодекса, между прочим!

— Подполковникам можно, — серьезно заявляет этот сухарь, но в глубине его темных глаз пляшут чертики. — Ладно, давай договариваться. Я возвращаю тебе мобильный, а ты перестаешь называть меня дедулей. Идет? А то меня от твоих комплиментов скоро радикулит прихватит. Придется вносить в контракт пункт о регулярном нанесении мази. Оно тебе надо, Ая?

Представив, как втираю мазь от радикулита в его прокачанную, идеальную поясницу, я густо краснею. Отчего-то подобные фантазии меня смущают.

— Ладно, — облизываю губы, отвожу глаза. Хоть Марат

и соизволил одеться, эта футболка так обтягивает его торс, что взгляд постоянно липнет куда не следует.

— Отлично. Думаю, что первый раунд переговоров прошел успешно, — улыбается Марат. Я смотрю на него и не могу понять. Он специально вывел меня с телефоном, чтобы помириться?

Неужели ему важно, чтобы...

Всевышний! Так это правда! Стыд накрывает волной. Все гадости, что я говорила... все обзывательства и неприятные слова. Неужели я сама виновата?!

Внезапно раздается звонок в дверь.

— А вот и твоя одежда, Ая. Будь вежлива, пожалуйста, — бросает Марат и выходит из моей спальни.

Натягиваю футболку пониже, семена следом за ним.

— Привет, здоровяк, — в квартиру заходит ослепительная блондинка. На ней короткие камуфляжные шорты, не прикрывающие почти ничего, обтягивающая майка. Ноги длинные, фигура точеная. В руках пакеты с наименованием какого-то бренда.

На ее фоне я выгляжу жалко. Растрепанная, в футболке-парашюте. Тощая...

— Лика, спасибо, что согласилась, — голос Марата меняется, становится необычайно нежным. Значит, он и так умеет? Но не со мной... потому что я не заслужила.

Они обнимаются, а внутри меня поднимается какое-то неприятное жгучее чувство. Мне не нравится, что она его

трогает...

Эй! Отцепись!

Глава 11. Немая сцена

Марат

Обнимая Лику, я внезапно начинаю чувствовать мощное жжение между лопаток. Отпустив подругу, резко разворачиваюсь.

Ая стоит, насупившись, и сверлит меня яростным взглядом. В какой-то момент мне становится её жаль. Такая крошечная, худенькая. Стоит как птенок и боится всего.

Реагирует на любой раздражитель агрессией, но всё лишь из-за страха. Смотрю на неё дольше, чем надо бы...

Лику хитро улыбается. Затем подходит к Ае и протягивает руку.

— Привет, Ая! Я Лику. Дружу с твоим опекуном много лет.

— Здравствуйте, — бормочет растерянно, пожимая ладонь.

Я рад, что Ая не стала устраивать истерику. Этого бы моя психика уже не вывезла. Вышвырнул бы к чертовой матери в общагу — и дальше сама.

Но смотреть на её растерянное лицо дорогого стоит. Значит, не всё ещё потеряно.

— Вот, я собрала тебе одежды немного, — Лику улыбается, Ая принимает пакеты, — примерь, что не подойдет, отвезу обратно в магазин.

— Спасибо.

Ая семенит обратно в комнату, а я чувствую подвох. Не могу избавиться от мысли, что эта чертовка что-то задумала.

— Присядешь? — отгоняя дурные мысли, приглашаю Лика на диван.

— Значит, папочка? — она прищуривается.

Папочка... нет уж, спасибо! Это звание мне не идет.

— Какой из меня отец, — хмыкаю, сверля взглядом дверь, за которой моя беда переодевается.

— Естественно... — Лика откидывается на спинку дивана, — ты смотришь на неё... точно не как отец.

— О чем ты? — не понимаю.

— Ой, да брось, — смеется она. — Марат, я знаю тебя достаточно долго, чтобы понять... эта девочка тебе интересна не как подопечная и тем более не как дочь.

Кажется, у меня начинают гореть уши. В голове проносится вчерашняя ночь, когда мой член стоял так, как никогда до этого. Как Ая жалась ко мне в поисках защиты...

И Лика... эта женщина смотрит на меня и видит насквозь. Она опытный психолог.

— Как там Саид? — спешу сменить тему. В горле встает ком, я прокашливаюсь.

Ая отсутствует минут десять. Я постоянно кошусь на дверь. Предчувствие, что она выкинет что-нибудь, меня не подводит.

Когда эта несносная девчонка выходит, у меня мгновенно

заканчивается воздух в легких.

Ли́ка привезла кучу нормальной одежды, но эта зараза умудрилась откопать самое огромное, бесформенное худи оверсайз болотного цвета и натянуть его на себя.

Плотная ткань полностью скрывает фигуру Аи, свисая почти до колен, как мешок. Получилось такое глухое камуфляжное чучело. Просто прекрасно, блядь! Ли́ка, подсобила!

— Ну и? — Ая замирает посреди гостиной, дерзко вскидывая подбородок. — Я готова ехать в универ.

— Штаны где потеряла? Без штанов ты никуда не поедешь! — складываю руки на груди, изо всех сил сдерживаясь. Внизу живота рождается предательское напряжение: из-под этого балахона открывается вид на её совершенно голые, длинные и чертовски стройные ноги.

— Как это интересно, — усмехается Ли́ка, развалившись на диване, переводя взгляд с меня на Аю и обратно.

— На мне шорты, — невозмутимо заявляет эта несносная девчонка.

— Я не вижу шорт, — отрезаю жестко, не двигаясь с места. — Марш переодеваться! Шорты, а лучше джинсы или брюки! Я тебя в одних трусах из квартиры не выпущу!

Не могу понять, из-за чего так завелся!

— Да есть на мне шорты! — Ая бросает на меня возмущенный взгляд, поджимает губы. — Вот, смотри, тиранище!

Она резко задирает худи до самого живота.

В гостиной моей квартиры воцаряется тишина. Воздух от напряжения вот-вот затрещит, а Лику давится от хохота.

Смешно, блядь! Вся моя жизнь псу под хвост!

На Аю действительно надеты микроскопические камуфляжные шортики. И они очень аппетитно обтягивают её задницу.

Пиздец... напряжение внизу живота всё сильнее.

Как ни пытаюсь себя отвлечь, смотреть на шторы, на стол... я не знаю... на собственные колени, в конце концов!

Но взгляд всё равно возвращается к стройным ножкам моей строптивой подопечной.

То, *как* она продемонстрировала одежду, заставляет меня понемногу сходить с ума.

Полоска девичьего живота, открывшаяся моему взгляду, окончательно добывает самоконтроль. Блядь! Член мгновенно каменеет. Сжимаю зубы, желваки ходят ходуном.

Держись, Марат! У тебя просто давно не было женщины! Сейчас у тебя встанет даже на фонарный столб или...

Перевожу взгляд на Лику. Она тоже в шортах. А во мне ничего не ёкает даже. Снова смотрю на Аю, и внутри словно вулкан извергается, сжигая к чертям всю мою военную выдержку.

Ая, поймав мой потемневший, голодный взгляд, внезапно осознает, *что* именно сейчас сделала.

Гражданская позиция тут же дает сбой: краска мгновенно заливает её лицо до самых ушей, она с писком опускает худи

и испуганно отступает на шаг.

— Тебе очень идет. Ноги длинные, стройные, — одобряет Лика, — но верх лучше подбери другой. Шорты высокой посадки, там футболка есть яркая, оранжевая.

Ая густо краснеет и переводит взгляд на меня. Ждет одобрения? Или чего?

Вздыхаю.

— Переодевайся в футболку и поехали в университет. Хорошо, что тебе ко второй паре...

— Откуда ты... — начинает пыхтеть Ая, сжимая пальцы в крошечные кулачки, — ты...

— Иди уже, — улыбаюсь, наполненный каким-то странным воодушевлением.

Ая скрывается за дверью, и у меня получается выдохнуть.

Лика взрывается громким хохотом, оценив масштаб катастрофы.

— Чего ржем? — рычу. — Мне срочно надо покурить, эта девчонка сводит меня с ума.

— Марат, Марат... — Лика вытирает выступившие от смеха слезы, — неужели ты сам не понимаешь, что происходит?

Глава 12. Комплимент с характером

Ая

Щеки горят огнем, пока я стягиваю шорты и рывком вытаскиваю из пакета джинсы. Хм. Levi`s. Бренд. Никогда в жизни не носила такую дороговущую одежду.

Пока натягиваю скинни на свою тощую задницу, мысли возвращаются к Марату. Как он на меня смотрел... как скользил взглядом по моим голым ногам... и как внутри меня что-то предательски зажглось.

Я почувствовала себя очень странно. По телу прошла волна мурашек, а взгляд сам упал на губы этого вояки.

Вдруг стало интересно: а как он целуется?

— Айше, — произношу, когда мы с сестрой смотрим по телевизору кино про любовь, — а ты веришь, что может быть вот так? Один мужчина на всю жизнь?

— Конечно, — смеется она, затем взлохмачивает мою макушку, — но тебе рано об этом думать, сестренка.

— Мне кажется, это мерзко, — насупливаюсь, — они там слюнями обмениваются, это же ну... фу!

Айше звонко смеется.

— Поцелуй — это прекрасно, Ая. Придет время, и ты поймешь. Если рядом будет правильный человек, ты не за-

хочешь отрываться от него.

— *А ты уже встретила правильного человека?*

— *Пока нет, — мечтательно вздыхает, — но уверена, что обязательно когда-нибудь встречу. И ты тоже!*

Этот разговор состоялся за два месяца до ее убийства.

— Из-за них ты никогда не найдешь своего человека, — сжимаю зубы, ненависть накрывает меня с головой. — Это всё они... сидят, улыбаются. А тебя нет...

Беру рыжую футболку, о которой сказала Лика, и какое-то время гипнотизирую принт. Череп... она не стала пичкать меня цветочками и всякой девчачьей фигней.

В один миг мне хочется разорвать эту вещь. И я почти решаюсь, но...

Отчего-то снова вспоминаю Марата, его тремор. И злость почему-то уходит.

— Ты тоже заплатил свою цену, — тихо произношу вникаю, затем покорно надеваю футболку. — Возможно, даже большую, чем она...

Сую мобильный в карман и выхожу. Лика и Марат смеются. Он уже успел одеться в джинсы и черную рубашку.

С ней он такой непосредственный. Настоящий.

Снова чувствую горький укол в районе груди. Мне неприятно на них смотреть.

— Поехали? Я опаздываю, полобызаться успеете в другой раз, — срывается с губ прежде, чем успеваю понять весь масштаб катастрофы.

Марат хмурится, Лика хохочет, а я чувствую себя полной дурой.

Мне не нравится эта эмоциональность. Хочу быть как моя сестра! Сдержанной, умной. Говорить нужные слова в нужное время.

А пока получается с точностью до наоборот.

— Он целиком твой, Ая, — Лика встает. — Кстати, тебе очень идет такой стиль. Хочешь, завтра привезу обувь?

— Я... — бросаю взгляд на Марата. В конце концов, он четко дал понять, кто тут главный. Пусть и решает.

— Привози. Только без военщины, тут у нас пацифист в квартире, — произносит он, а мне вдруг хочется его треснуть чем-нибудь.

— Смешно? — рычу, сжимая руки в кулаки. — Да, я против насилия и горжусь этим!

— Разве я смеюсь? — серьезно спрашивает. Мои щеки напоминают по цвету спелый помидор, я во все глаза смотрю на Марата.

Молча складываю руки на груди.

— Это хорошая позиция, — грустно улыбается Лика, — но иногда насилие необходимо, чтобы защититься. Чтобы выжить, спасти себя или близких.

Слова застревают в горле. Не от её слов, а от какой-то животной тоски в глазах. Словно Лика действительно знает, о чем говорит.

— Всегда есть другой путь, — тихо произношу, — просто

надо его найти.

— Надеюсь, у тебя получится, — отвечает она, затем разворачивается к Марату: — Я поехала. Завтра привезу еще что-нибудь. У нас новенькая в группе, Лейла зовут. У нее хорошие связи на таможне. Там постоянно какую-то контрабанду ловят, часто очень хорошие вещи.

— Давай, — он встает, затем берет ключи с комода. — Саиду привет.

Лица вдруг густо краснеет. Кто такой этот Саид? Это... ее правильный человек?

— Пока, Ая, — она машет мне.

— До свидания. И спасибо за одежду. Она классная! — Отчего-то мне хочется, чтобы она искренне мне улыбнулась. И Лица улыбается.

— Не одежда красит девушку, Ая. А наоборот, — подмигивает мне и уходит. Мы с Маратом остаемся вдвоем.

— Не ожидал, что ты так понравишься Лике. И она тебе... — Он делает шаг ко мне. Меня обдает терпким мужским парфюмом с нотками чего-то восточного. Невольно тяну носом.

Ты встретишь правильного человека...

Вдруг ясно слышу слова сестры.

Марат молчит, я тоже. Смотрим друг на друга, словно узнавая впервые.

В голове ни единой мысли. Лишь тягучее сладкое ощущение, будто я только что съела конфету.

НЕТ! НЕЛЬЗЯ! ОПАСНО!

Вскидываю свои привычные шипы.

— Она адекватная в отличие от некоторых, — вздергиваю подбородок, — и не пытается сделать из меня рабыню.

— Надо же, — усмехается Марат, — нужно было ей тебя отдать. Воспитала бы нормальную личность.

— Я нормальная! — рычу, но это его лишь веселит.

Я только что думала, что он может быть моим человеком?!
Забудьте! Он тиран и изверг! Никакой симпатии к нему у меня быть не может!

Марат хлопает ладонями по джинсам.

— Пойду возьму сигареты и поедем.

— Ты куришь? — фыркаю.

— А что? — он прищуривается. Взгляд становится хищным, обжигающим. Невольно делаю шаг назад.

— Табачный дым разжигает мозг, — заявляю с полной уверенностью. Марат прыскает со смеху. — Я что-то смешное сказала? Хочешь себя травить — пожалуйста, но ко мне не подходи!

— Придется потерпеть, — ухмыляется он, затем направляется в свою спальню. Возвращается спустя минуту.

И лишь сейчас я замечаю, что весь наш разговор его рука не дрожала.

Почему-то от этой мысли становится теплее.

Но я отгоняю ее... потому что сейчас нужно не течь лужей от этого мужика, а думать, как выйти из ситуации с кон-

трактом.

— Мы поедem сегодня или нет?! — бушую, когда Марат проверяет окна и что-то тыкает в климат-контроле. — Если опоздаем, я всё на тебя свалю! Так и знай!

— Сваливай, — заявляет равнодушно, а я начинаю психовать еще сильнее. Сухарь! Ну вот почему его из себя не вывести, а? — Кстати, Ая...

Марат пристально осматривает меня глазами, задерживаясь на груди. Затем наши взгляды сталкиваются.

— Ты очень красивая в этом... наряде...

Он делает шаг из квартиры, а я застываю как вкопанная. Это что... комплимент?! И как мне на него реагировать?

Глава 13. Девочка-беда

Марат

— Чего встала, как вкопанная, Ая? — закрываю дверь, разворачиваюсь и чуть не сношу хрупкое тело своей подопечной. Она пошатывается, но удерживается на ногах.

— Ты... что ты только что сказал?! — пучит на меня свои огромные глазищи. Выглядит смешно. И мило. Пиздец как мило.

Только вот странная реакция на комплимент. Неужели ей никогда такого не говорили?

— Что тебе идет эта одежда. Явно лучше, чем тот балахон и джинсы с барахолки, — бросаю, нажимая кнопку вызова лифта.

— Ах так? — семенит за мной, пытается догнать. — Не нужны мне твои подачки! Я и сама...

Двери лифта открываются. Заходим. Ая замолкает на полуслове. Бледнеет.

Что за... смотрю на неё.

Девчонка тихо сглатывает. Бродит глазами, словно ищет точку опоры. Сжимает тонкие пальцы в кулаки.

— Ты чего? — спрашиваю, нажимая кнопку первого этажа. — Слова в лексиконе закончились?

— Отвали, — бормочет сдавленно.

Что-то не так.

— Ая.

— Что?! — огрызается, но я вижу её страх... её уязвимость. И, кажется, знаю, что это такое.

— У тебя клаустрофобия? — спрашиваю ровно.

— Нет у меня ничего! — её голос срывается. — Отстань! Фобии для детей! Просто мне с тобой не нравится!

Ложь...

Она вжимается спиной в стену лифта. Лицо уже белое, как бумага. Губы дрожат.

Вроде бы, когда вёз её в первый раз, такого не было. Видимо, тогда ненависть ко мне оказалась сильнее фобии. А сейчас осталась лишь чистая паника.

Лифт медленно ползёт вниз. С каждой секундой Ая дышит всё тяжелее.

— Смотри на меня, — говорю тихо.

Она мотает головой. Не может. Глазами бегаёт по зеркальным стенам, словно ищет выход.

— Ая, посмотри на меня, — повторяю жёстче.

Она поднимает взгляд. В нём — настоящий ужас. И в этот момент что-то во мне щёлкает. Инстинкт, названия которому я не готов дать.

Притягиваю девочку-беду к себе. Она утыкается лицом мне в грудь. Тихо всхлипывает.

— Тихо, — шепчу. — Я здесь. Просто дыши. Главное, дыши. Скоро приедем.

Она замирает на секунду.

А потом резко и сильно вцепляется пальцами в мою рубашку. Сначала дрожит, а потом расслабляется.

Волосы Аи пахнут фруктами.

Такая хрупкая. Маленькая.

Но моя ли?

Мысли путаются, когда я ощущаю ее тепло. Когда понимаю, как ей хорошо в моих руках. И как хорошо мне...

Блядь! Нет, так нельзя!

Лифт наконец-то доползает до первого этажа. Двери открываются.

Ая отталкивает меня и выскакивает, как ошпаренная.

Быстро шагает через холл к выходу на парковку, даже не глядя на меня.

А я остаюсь стоять. Смотрю на свои руки, которые только что обнимали её. Всё ещё чувствую тепло девичьего тела. Её запах.

Ты смотришь на неё... точно не как отец.

Кто же ты мне, Ая? А я тебе?

Не знаю. Пока не знаю. Слишком мало прошло времени.

Но я знаю одно: мне тридцать шесть. Ей девятнадцать. У нас огромная разница в возрасте и миропонимании.

Я — бывший военный с кучей травм. Она — молоденькая девушка с большим будущим и идеями, которые не приемлют такого, как я.

Но блядь... как же сложно не смотреть на неё... не вдыхать её аромат...

Страхиваю наваждение и выхожу на парковку. Аи нигде нет. Оглядываюсь в поисках оранжевой футболки.

И вижу её. Носится между машинами, смотрит на номера, пытается открыть дверь чужого Хаммера. Сигналка орёт, она вздрагивает и бежит дальше.

Стою, наблюдаю. С трудом сдерживаю смех. Ая выглядит как рассерженный птенец воробья, который пытается найти своё гнездо.

Тем временем моя неугомонная подопечная натывается на третий Хаммер. Пытается открыть — снова не тот. Ая ругается, оглядывается по сторонам.

Наконец, замечает меня. Замирает. Лицо красное от напряжения, волосы растрепались, глаза горят праведным гневом. А я не могу сдержать улыбки.

— Ты специально стоишь и смотришь?! — кричит через всю парковку.

— Наслаждаюсь представлением, — отвечаю спокойно.

— Да пошёл ты! — семенит в мою сторону.

Подхожу к своей машине. Нажимаю на брелок — она пищит. Ая подбегает, выглядит как надувшийся дикобраз. Вся такая колючая, злая и невероятно смешная.

— Даже не думай комментировать! — рычит, распахивая дверь. — У тебя такая безликая бандура, что я запуталась! Их тут сто штук одинаковых!

Не выдерживаю. С губ срывается громкий смешок, затем меня прорывает.

— Чего ржёшь? — она залезает в салон, зло сверкает глазами. — Тоже мне, юморист нашелся! Петросян на минималках!

Я не могу успокоиться. Такое чувство, что искренне не смеялся целую вечность. И вдруг рядом раздается хихиканье.

Сначала тихо, потом громче. Мы сидим в машине и ржём как два идиота. Я и моя подопечная.

Разворачиваемся друг к другу. Наши взгляды сталкиваются.

У Аи огромные глаза. Смешливые, живые. А губы... пухлые, чуть приоткрытые. Чувственные. В них так и хочется... впитаться...

Нет! Нельзя, блядь!

Сцепляю зубы.

— Поехали, бунтарка, — завожу машину.

Ая густо краснеет и отворачивается.

До её общаги едем молча. Но теперь между нами нет той гнетущей тишины, что была вчера. Мы молчим, и это... легко.

Паркуюсь у её общаги. Вокруг полный развал. Ямы, лужи, мусорки. Стены обшарпанные, окна заляпанные черт знает чем. Настоящая помойка.

И здесь жила Ая? Всевышний...

Мой Хаммер мгновенно привлекает внимание. Молодые девчонки оборачиваются, перешёптываются, глазят.

Ая вылезает из машины. Двигается в сторону чёрного входа. На полусогнутых, почти по-пластунски.

— Ая! Ты чего? Вход-то вон там! — окликаю её.

Она замирает. Выпрямляется. Обернувшись, сверкает глазами. И снова эта её ярость. Я уже начинаю привыкать.

— Ты специально, да?! — шипит сквозь зубы.

— Что специально? — не понимаю, о чём она.

— Теперь все подумают, что я завела папика! — Ая буквально испепеляет меня взглядом. — Ты хоть понимаешь, что обо мне подумают?! А у меня, между прочим, репутация!

Хмурюсь.

Почему-то именно слово «папик» бесит сильнее всех её привычных оскорблений.

— Пусть думают что хотят, — пожимаю плечами. — Иди уже, а то опоздаешь.

Ая фыркает. Показывает язык, затем молча разворачивается и бежит к общаге. Я вылезая из машины, достаю сигареты. И вижу, что ко мне направляются те студентки.

— Здравствуйте, — одна из девчонок сладко улыбается, стреляет глазками. — А вы к кому?

Вторая поправляет волосы, а третья без капли стыда оценивает мою тачку.

Им лет по двадцать. Губки бантиком, ресницы накрашены, в глазах — жадный интерес. Ясно.

— Вас это не касается, — бросаю жёстко. — Девочки, вы

бы лучше думали о получении образования, а не о том, как склеить взрослого мужика.

— А может, мы не хотим образования? — первая делает шаг ближе. — Нам интереснее... взрослый богатый мужчина.

Блядь, какая пошлость! Меня аж передергивает.

— Не рановато? — отрезаю жёстко.

Они переглядываются. Закуриваю, давая понять, что разговор окончен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.